

Дьердь Шпира **ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ**

К истории политической деятельности
И.Сечени, Л.Баттяни, Л.Кошута и Ш.Петефи

Перевод с венгерского *О.В.Громова*
Вступит/ статья и редакция д.ист.н. *Т.М.Исламова*
М.: Прогресс. 1986

Вступительная статья
К советскому читателю (от автора)
Трагический путь Иштвана Сеченьи
Лайош Баттяни
Клинок Шандора Петефи
Лайош Кошут и потомки

Веб-публикация: *Belle Garde*
и редакторы библиотеки *Vive Liberta*
и *Век Просвещения*, 2010.
Текст подготовлен в виде скана (pdf), по главам

Тематические ссылки:

Р.Авербух.

Революция и национально-освободительная война
в Венгрии в 1848-49 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82467734.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p94667612.htm>

(ссылки на скачивание текста книги, иллюстрации,
дополнения)

«Весна народов»: европейские революции 1848 года

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

ЛАЙОШ КОШУТ и ПОТОМКИ

О Кошуте еще при его жизни часто можно было услышать диаметрально противоположные, но в равной степени крайне односторонние мнения. Однако и после его смерти положение почти не изменилось: истинный образ Кошута в значительной мере все еще заслоняется его портретами, часть которых написана позолотой, а часть – самой черной краской. Первые принадлежат кисти его почитателей, вторые – его ненавистников. Некоторые, например, и сегодня считают, что Венгрия в XIX веке под руководством Кошута могла бы превратиться в независимую, сильную и демократическую страну, сохранившую средневековые границы, и наверняка Венгрия стала бы такой, если бы намерения Кошута не потерпели фиаско из-за препятствий случайного характера: вначале (в 1849 году) из-за сплочения европейских держав против венгерской революции, а позднее (в 1876 году) – из-за внезапного поворота в поведении его соратников. Другие же, как раз наоборот, даже и теперь видят в Кошуте великого зодчего воздушных замков, который в 1848 году безответственно увлек венгерский народ на путь испытаний, заранее обреченных на неудачу, нанеся тем самым неизмеримый вред своей отчизне. Правда, в одной точке пути проповедников этих в общем непримиримых между собой теорий пересекаются, а именно: они равным образом – как бы ни были противоположны их исходные позиции – сходятся на том, что жизнь Кошута, в общем, прошла безрезультатно, ибо в конечном счете – на словах, конечно, и утверждается обратное – ничего другого не вычитать из жизнеописаний Кошута, написанных его восторженными почитателями. Впрочем, он сам понял, что из всей борьбы, которую он вел в течение многих десятилетий, всего лишь один след останется в истории: “упразднение крепостничества, освобождение тех, кто обрабатывает землю” – единственное мартовское завоевание, “к которому власти даже в период тирании¹ не осмелились прикоснуться”. Однако этого единственного достижения недостаточно для того, чтобы уберечь его “от горького чувства утраты цели в жизни”. Чтобы считать достоверным любой из одноцветных портретов Кошута, созданных представителями крайних взглядов, недостаточно даже исключительного их совпадения в одном-единственном случае.

Верно, что планы Кошута не осуществились во всей их совокупности. Но неверно то, что лишь ничтожная часть этих

¹ Имеется в виду так называемая “баховская эра”, период господства режима неоабсолютизма в 1849–1859 годах.

планов увенчалась успехом. Следовательно, неправильно утверждать, что априори стремления Кошута в значительной мере были невыполнимы. С другой стороны, неверно считать, что все эти устремления имели под собой реальную почву и что те из них, которые не осуществились, не осуществились просто из-за случайного стечения неблагоприятных обстоятельств. Если мы хотим в этом убедиться, то нам следует рассмотреть оставшиеся и до нашего времени наиболее спорными некоторые моменты жизни Кошута.

В то, что Кошут когда-нибудь станет передовым борцом революции, в начале его деятельности наверняка никто, даже он сам, никогда бы не поверил. Разумеется, и его, двадцатилетнего юношу, как и других его сверстников, серьезно интересовали события и уроки Великой французской революции, однако во Французской революции он видел не воплощение "второго спасителя человечества — свободу" (как двумя десятилетиями позднее сказал Петефи, будучи в том же возрасте), а серию "ужасных", чудовищных событий.

Подобных взглядов Кошут твердо придерживался и в последующие годы: даже через пятнадцать лет, всего лишь за несколько месяцев до фактического начала революции 1848 года, он, оценивая возможности венгерской революции, решительно подчеркивал, что революция — это "такое оружие... к которому можно прибегнуть лишь с отчаяния", "потому что... за светлым днем революции следует зачастую долгая ночь рабства". И это Кошут писал не с целью завуалировать свои мысли, не для того, чтобы скрыть свои истинные намерения от более умеренных, чем он, а потому, что он именно так и думал. Это должным образом могут подтвердить и его заявления, сделанные им позднее, во второй половине жизни. После окончания революции он, конечно, уже признавал, что "бывают случаи", когда "тот или иной народ вынужден прибегнуть к революции", но вновь и вновь подчеркивал и то, что "большое несчастье", если не представляется возможным найти другой выход, так как революции, "даже когда бывают необходимы", "всегда являют собой болезненные кризисы", поэтому революция может быть лишь ultima ratio [последний, решающий довод] народов; следовательно, прежде, чем где-либо прибегнуть к этому последнему средству, заранее "следует исчерпать все возможности, испробовать все, дабы ее избежать".

Лишь обладая исключительным даром предвидения, можно было сказать о молодом Кошуте, что он когда-либо встанет во главе революции, точно так же в самом начале его карьеры вряд ли кто мог предсказать, что самым крупным

преобразующим общество деянием революции, осуществленной под его руководством, станет освобождение крепостных. Кошут еще в конце 20-х годов обратил внимание на то, что "крестьянин не знает, не чувствует, не верит... в справедливость работ, которые он привык выполнять для помещика, он смотрит на них как на несправедливое рабское ярмо". В то же время, подобно самым закоренелым приверженцам феодального строя, он и сам признавал, что крестьянин ошибается, если так думает, и поэтому следует только рассеять его заблуждения. "Следует просветить венгерских земледельцев... — писал он, — чтобы они не смотрели на дворянина-помещика как на притеснителя их прав... а чтобы они учились... уважать, любить помещика, как ангела-хранителя своей жизни и бытия", и подобного рода просвещение развяжет узел противоречий, потому что после этого крепостной уже "будет взирать на помещика с полным доверием".

А то, что недовольство крестьян было вызвано не несправедливостью народа, а весьма реальными причинами, этого Кошут даже тогда не понял, когда — далеко не воображаемые — нищета и эксплуатация вынудили массы крепостных крестьян из северных областей страны в 1831 году подняться на крестьянское восстание, которое по своему размаху и ожесточенности можно сравнить лишь с крестьянским восстанием 1514 года, и волны восстания захватили и его родные места, комитат Зеплен. Ведь и он вместе с другими дворянами называл взявшихся за косы крепостных просто "грабителями и бунтовщиками", ведь и он объявил, что восстание — "мятеж, заблуждение, грех, и это не самые сильные слова, чтобы заклеить содеянное".

Однако в глубокое заблуждение впал бы тот, кто удовольствовался бы анализом поверхностных явлений и на основании этих резких слов сделал вывод, что Кошут еще в 1831 году относился к числу фанатичных приверженцев крепостной системы. Ибо Кошут, видя разрушения, сопутствовавшие восстанию, беспощадно осуждал крестьян, вступивших в борьбу с помещиками, но осуждал лишь потому, что они пытались изменить свое положение насильственными средствами. Однако в то время он уже сам видел (и именно тогда окончательно пришел к пониманию этого), что каким-то образом все же необходимо изменить положение крестьянства. Об этом свидетельствуют и записи Кошута, в которых отражена его напряженная умственная работа в тот период. Как свидетельствуют эти записи, в последующие месяцы основным вопросом, над которым он раздумывал — каким бы мучительным и немаловажным ни был этот вопрос для него, благородного барина, — стал вопрос о том, удовлетворяет ли общество "такое устройство, которое основано на приви-

легиях класса, представляющего небольшую часть народа". И насколько честно Кошут ставил этот вопрос, настолько честно он сам и отвечал на него: "Возможно, что свободы, которыми мы, венгры похвваемся, по-видимому, находятся в противоречии со свободой, потому что свобода единая и общая для всех, у нее нет множественного числа... возможно, что там, где для одних существуют привилегии и привилегии, там для других — рабство и ограничения". А из этого признания тотчас же вытекал единственно правильный для последовательно мыслящего и честного человека вывод: „... Можно ли в XIX веке без предубеждения утверждать, что в таком общественном устройстве, которое из 10 млн. населения лишь 600 тыс. называет нацией... что в таком устройстве — при извечной неприкосновенности права собственности и при соблюдении древних традиций — ничего не нужно улучшить, изменить?"

Однако тот путь мышления, на который Кошут тогда вступил, все еще не был пройден им до конца. В предшествующие годы он искал такое решение, которое обеспечило бы подъем народа без ущемления феодального права помещиков на собственность. Но только в реальной жизни такого решения он найти не смог. И он и сам вскоре осознал это. А этого оказалось достаточно для того, чтобы без промедлений сделать еще один значительный шаг вперед, признав, что если возникают такие вопросы, „как вокруг барщины, десятины, надела, которые каким-либо образом затрагивают собственность", то в таком случае все же необходимо пойти и на некоторые ограничения помещичьего права собственности. Ибо "государство вправе ради общего блага не лишать собственности отдельных лиц, а произвести обмен за достойное вознаграждение или же установить такой способ пользования собственностью, который не мешал бы промыслу, преуспеянию других наших ближних". В конце концов "даже самое прекрасное поле перекраивают, если того требует строительство дорог", и "разве не заслуживает равного с дорогой внимания гражданское существование наиболее полезного, наиболее многочисленного, наиболее бедного, наиболее обремененного тяготами, достойного самого глубокого уважения класса общества?" Человек, ушедший в течение нескольких месяцев так далеко вперед, своим современникам, конечно, не жаловались слышать об изменениях, он обещал беспрестанно служить интересам дворянства, уже тогда в глубине души совершенно не считался с этими интересами.

На самом деле, однако, Кошут, придя к выводу о необходимости улучшения жизни крестьянства, не отрицал свою

принадлежность к дворянству. Напротив, если что-то и привело его к мысли о необходимости предпринять шаги на благо народа, то это был как раз поиск блага для дворянства, таковым в первую очередь явилось осознание того, что если восстание 1831 года и было в конце концов потоплено в крови, то от этого вовсе не стало меньше недовольство крестьянских масс, и поэтому, чтобы дворянству не пришлось больше противостоять подобным взрывам народного гнева, необходимо устранить и причины, породившие крестьянское недовольство. Сеченьи, признанный самим Кошутом — вопреки мнению некоторых современных исследователей жизни Кошута — с самого начала и до конца, даже и в период их более поздних ожесточенных споров, крупнейшим своим предшественником, так сформулировал в то время эту мысль: "Следует погасить не только пламя, но и с корнем вырвать то, что может гореть".

Однако Кошут уже тогда стремился не только к простому устранению возможного взрыва народного гнева в интересах дворянства, но и разделял взгляды Сеченьи относительно того, что ликвидация крепостных отношений вообще пошла бы на пользу классу помещиков, ибо принуждаемые к тяжкому труду крепостные хотя и бесплатно обрабатывали землю в поместьях своих господ, но обрабатывали ее плохо, и поэтому собственные материальные интересы требовали от крупных землевладельцев задуматься над вопросом, поставленным в "Кредите" Сеченьи: "...Признайтесь, если бы мы были крестьянами, трудились ли бы мы с таким же усердием, не покладая рук на барщине, как... если бы мы выполняли нашу работу за деньги?.."

И наконец, Кошут не мог глубоко не осознать того, что его натолкнули уже не Сеченьи, а Ференц Кельчей¹ и барон Миклош Вешшеленьи, что Венгрия и с нею венгерское дворянство страдают от тяжелого отставания, так как Габсбурги последовательно подчиняют их интересы общему имперскому, во многих отношениях не совпадающим с интересами Венгрии, и в таких обстоятельствах венгерское дворянство, как уже многократно подтверждалось, оказалось неспособным изменить что-либо, так как оно не располагало необходимой силой для осуществления назревших перемен. Следовательно, дворянству для того, чтобы получить когда-либо возможность направлять судьбы страны, следовало серьезно укрепить свои позиции, а возможность для этого могла представиться лишь

¹ Кельчей Ф. (1790 – 1838) – известный венгерский поэт эпохи реформ, автор текста национального гимна, прогрессивный политический деятель.

в одном случае: если допустить народ под защиту конституции. Из этого следовало, что "если... всему венгерскому народу дать возможность пользоваться свободой венгерского дворянства, то тем самым положение дворянства не только не будет поколеблено, а, наоборот укрепится, ведь... если теперь лишь 600 тыс. человек охраняют существующий общественный строй... то тогда его охраняли бы 10 млн. человек и на политических весах Европы вес объединившейся венгерской нации был бы в шестнадцать раз больше, чем ныне."

Одним словом, когда у Кошута созрела программа ликвидации крепостнических отношений, введения равенства перед законом, то есть программа замены в Венгрии феодального строя буржуазным общественным строем, и он стал ее широко провозглашать, то им руководило намерение не поколебать ведущую роль дворянства в венгерском обществе, а, наоборот, укрепить ее. Он и сам неоднократно подчеркивал это, излагая свою точку зрения в полемических статьях, написанных непосредственно в канун революции 1848 года.

"... Перед моим духовным взором будущее моей нации возникает не в виде картины, где дворянство отсутствует, а в таком виде, где дворянство объединено с народом единой свободой, где оно будто верный первенец среди братьев, вождь семьи, прочный краеугольный камень дома, одним словом, передо мною возникает образ моей отчизны, в которой значительное влияние дворянства, не требующего особого положения, но обладающего моральной силой и историческим весом, образует ту завязь сплоченности, из которой будет развиваться плод общественной свободы".

Еще и поныне встречаются люди, которые считают, будто приведенные слова Кошута не отражают его собственных глубочайших убеждений, а лишь продиктованы обстоятельствами, заставившими его написать именно так. Подобная точка зрения порождена беспокойством, как бы на имя Кошута не пало пятно, если обнаружится, что он не мог и даже не хотел порвать с дворянством, из среды которого вышел. Однако в поисках путей, ведущих к буржуазным преобразованиям и вообще открывавшимся перед Венгрией XIX века, народ страны в условиях венгерского общества, еще не имевшего к тому времени зрелой буржуазии, и руководствуясь не только убеждениями Кошута, но и действительностью, смог именно под руководством дворянства выбрать путь, сравнительно более широкий и прямой. И осуществление программы Кошута, касавшейся буржуазных преобразований не только в его представлениях, но и в действительности, отвечало интересам дворянства.

Правда, не всего дворянства. Например, подавляющее большинство магнатов, владевших безграничными лати-

фундиями и пользовавшихся неизменной поддержкой со стороны Габсбургов, — хотя и само было вынуждено вести собственное помещичье хозяйство в значительной части на основе использования крепостного труда с низкой производительностью — в повседневной жизни весьма мало ощущало материальный ущерб. Ведь, каким бы малым ни был средний доход с хольда земли, общий доход магнатов складывался из дохода, получаемого от тысяч и тысяч хольдов земли, находившихся в их владении; поэтому они едва ли могли бы справиться с заменой крепостного труда (барщины) наемным; доходов с их владений хватило бы на обеспечение лишь части необходимого для покрытия расходов огромного капитала. Вот почему они не только не считали неприемлемой программу Кошута, но и не намеревались мириться с требованиями Сечени, даже не помышлявшего об ослаблении имперских уз, однако тоже считавшего ликвидацию крепостных отношений жизненно важной. Основная масса среднепоместных и мелкопоместных дворян, даже и привилегированных, напротив, уже при подсчете своих ежедневных расходов убеждалась, на какое жалкое прозябание они обречены из-за феодальных отношений. Поэтому они легко могли стать приверженцами такой политики, которая привлекала тем, что в случае успеха покончила бы с подчиненным положением страны, а управление страной передала бы в руки дворянства. Тем самым она позволила бы Венгрии, в том числе дворянству, проводить экономическую политику, освобождающуюся от застоя.

Вот почему Сечени, провозгласившему программу буржуазных преобразований (намного более умеренную, чем программа Кошута), по многим вопросам пришлось противопоставить себя своим друзьям-магнатам, в то время как от Кошута разработка даже значительно более радикальной программы не потребовала разрыва с подобными же ему представителями среднего дворянства. К такому выводу мы можем прийти не только логическим путем, но и потому, что Сечени до самого конца был вынужден бороться, находясь в довольно сильной изоляции, в то время как Кошута уже с самого начала окружила целая когорта друзей-единомышленников, и эта группа либеральных дворянских политиков с течением времени становилась все более массовой.

Сказанное вовсе не опровергает того факта, что программа Кошута до 1848 года, несмотря на непрерывный рост либеральной оппозиции, не стала программой большинства дворянства, даже в период, непосредственно предшествующий революции 1848 года. Ибо большинство дворян не потому не сплотились вокруг Кошута, что считали его требования не отражавшими их собственных интересов, а из-за проти-

воречивости их собственного положения. Ведь большинству дворян было нетрудно понять, что помещикам действительно будет выгодно, если в будущем хозяйство в их поместьях будет основано не на барщинном крепостном труде, а на труде наемных работников. Однако капитал, необходимый для реорганизации хозяйствования, отсутствовал как у крупных, так и у мелких и средних помещиков, а у последних двух категорий — особенно.

Большинство дворян, конечно, поняли, что ситуация и в этом отношении коренным образом изменится, если Венгрия выйдет из подчиненного положения, в котором она находилась, будучи частью империи Габсбургов. Большинство поняло и то, что с подчиненным положением дворянство сможет покончить лишь в том случае, если приумножит свои силы; а эти силы сможет увеличить лишь тогда, когда превратит крестьян из врагов в своих союзников. Однако необходимым условием для завоевания крестьянских масс была предварительная ликвидация крепостных отношений. А непреложным условием для этого в глазах землевладельцев было предварительное улучшение своего финансового положения. Но это было неосуществимо без предварительного вывода страны из состояния подчиненности, то есть без той борьбы, начать которую дворянство не осмелилось бы без привлечения на свою сторону крестьянских масс. Хотя — и тем самым мы уже снова возвращаемся к нашему исходному пункту — необходимым условием для завоевания крестьянских масс была ликвидация крепостнических отношений, на что большинство дворян не могло решиться, предварительно не ликвидировав подчиненности страны. Но куда бы ни повернулась основная масса дворян, они повсюду столкнулись бы с проблемами, ждущими своего решения, и ни одну из них нельзя было решить без предварительного решения остальных. При этом дворянство не могло обнаружить нужное звено в цепи проблем, образующих, таким образом, замкнутое кольцо вокруг этого большинства дворянства; оно, правда, могло симпатизировать целям Кошута, однако стать его активной опорой. даже непосредственно перед 1848 годом, не могло.

От внимания Кошута, естественно, не укрылось, с какими проблемами пришлось столкнуться дворянскому большинству. Поэтому, упорно настаивая на ликвидации крепостнических отношений, он, подобно другим вождям либерального направления, не требовал от помещиков односторонних жертв. а, как мы уже видели, "соответствующей компенсации" (первоначально в 30-х годах): чтобы за выкуп, выплаченный крепостными, помещики освободили бы их от крепостных повинностей. Позднее (в начале 40-х годов), после того как стало очевидным, что громадное большинство крепостных

не в состоянии выкупить самих себя, он несколько изменил свою точку зрения, но лишь в одном вопросе, из-за которого теперь был готов ломать копыта, а именно чтобы бремя выкупа наряду с крепостными несла и государственная казна. Кошут и в дальнейшем не отказывался от требования, чтобы помещики, лишившиеся выгоды от крепостных повинностей, получили денежную компенсацию и таким образом приобрели по крайней мере часть денежных средств, необходимых для перевода своих помещичьих хозяйств на капиталистические рельсы. Однако это совершенно не меняло положения, хотя бы уже потому, что идея о выкупе при содействии государства существовала вплоть до 1848 года, так как не была принята из-за упорного сопротивления Габсбургов и их приверженцев в Венгрии, а также потому, что узел в действительности не удалось бы все равно развязать даже в случае ее возможного осуществления. Ведь сотни миллионов, нужные для выкупа всех крепостных Венгрии, государственная казна смогла бы выплатить лишь с величайшим трудом, да и то в течение многих лет (а вернее, десятилетий), даже в том случае, если бы все еще пользовавшихся налоговыми привилегиями венгерских дворян удалось склонить к уплате налогов; это требование, впрочем, сам Кошут присоединил к требованию о ликвидации крепостнических отношений при содействии государства.

Итак, программа буржуазных преобразований Кошута — и тут мы снова возвращаемся к тому же, о чем уже говорилось, — соответствовала интересам дворянства, и тем не менее до 1848 года она не смогла стать программой большинства дворян. Но в марте 1848 года неожиданно пробыл час для 46-летнего Кошута, уже прошедшего половину своего жизненного пути, когда вспыхнувшие одна за другой революции в Вене, Граце, Пеште, Милане и Венеции в течение нескольких дней потрясли до основания имперскую систему Габсбургов, значительно ослабили их власть и положение, хотя и не повлекли за собой немедленный и полный распад империи. Но это тотчас же создало возможность венгерскому дворянству наконец взять в свои руки власть в Венгрии, и притом немедленно, даже без предварительного обеспечения поддержки со стороны крестьянских масс. И венгерское дворянство воспользовалось такой возможностью: заседавшие как раз в это время депутаты венгерского государственного собрания (несмотря на то что большая часть состояла из либералов, которые были гораздо умереннее Кошута, а меньшая часть рекрутировалась из консерваторов) в решающий час в середине марта единодушно поддержали Кошута, считавшего, что Венгрия не должна упустить случай, который, возможно, больше никогда не представится, чтобы как можно скорее

создать свою самостоятельную и совершенно независимую от Вены систему управления внутренними делами страны. Именно это единодушие в немалой степени способствовало тому, что венский двор после одно-двухдневной проволочки уступил государственному собранию. Таким образом, глава либеральной оппозиции граф Лайош Баттяни вскоре смог сформировать первое самостоятельное венгерское парламентарное правительство.

Однако ослабление власти Габсбургов по-прежнему не являлось для Кошута причиной задержки решения вопроса о ликвидации крепостнических отношений. Более того, развитие событий в благоприятном направлении как раз и побуждало его именно сейчас, когда венский двор, главнейшее препятствие на пути урегулирования вопроса о крепостнических отношениях, был ограничен в свободе своих действий, решить наконец вопрос так, чтобы теперь уже бремя выплаты компенсаций помещикам за упразднение феодальных повинностей крепостные даже частично не должны быть вынуждены брать на себя. Ибо даже внезапное устранение препятствий, мешавших прежде взятию власти, не могло заставить Кошута забыть о том, что ликвидация крепостного права — основное условие для создания буржуазной Венгрии. И так как Кошут ясно видел и то, что, хотя дворянство в данный момент и без ликвидации крепостнических отношений может овладеть правительственной властью, он, однако, считал, что прочность власти лишь в том случае может быть обеспечена, если в будущем дворянство сможет быстро привлечь на свою сторону крестьянство, то есть ни на минуту не будет затягивать ликвидацию крепостнических отношений. Ведь бурно нараставшее в то время по всей стране революционное брожение делало весьма вероятным, что если дворянство и в дальнейшем будет запаздывать с решением этого вопроса, то рано или поздно крестьяне сами освободят себя, даже вопреки воле дворянства. Само собой разумеется, что подобный разлад между крестьянством и дворянством был бы выгоден Габсбургам, которые не собирались окончательно смириться с ограничением своих позиций.

Как только в Пожони стало известно о нарастании революционной волны в Европе, Кошут тотчас же серьезно предупредил депутатов об их ответственности в связи с освобождением крепостных, обратившись к ним с риторическим вопросом: "Если мы после этого государственного собрания разойдемся, не дав народу того, что с таким правом и с таким же достоинством он ждет от законодательства, то кто же осмелится взять на себя ответственность за то, что последует в дальнейшем? Кто осмелится поручиться за то, что воодушевление и готовность к жертвам, которыми мы со-

трясаем стены этого здания, найдут отклик и в жизни? А если не найдут отклика, если встретятся как раз с противоположным тому, на что они рассчитывают, кто может поручиться за последствия?" И депутаты, вняв его словам, в этом вопросе прислушались к предупреждениям Кошута, действительно увязав требования о завоевании правительственной власти с требованием о незамедлительном освобождении крестьян от крепостной зависимости (теперь уже с государственной компенсацией в полном объеме). После чего они зафиксировали практические меры, связанные с освобождением крестьян в тексте закона, который определение способа компенсации объявил задачей следующего государственного собрания очередного созыва (последнее должно было конструироваться уже на основе народного представительства), а отмену крепостных повинностей предлагал осуществить немедленно (даже не откладывая до следующего государственного собрания).

Это одновременно означало, что и поместное дворянство в тот момент все-таки было принуждено нести такие жертвы, компенсации за которые оно могло надеяться получить лишь в будущем. Но это было сопряжено с опасностью, что если накаленная атмосфера первых дней начнет остывать, то первоначальная готовность действовать постепенно превратится в свою противоположность — в желание пойти на попятный, и, пожалуй, не у такой уж и малой части депутатов.

Однако Кошут и сам считался с этой опасностью и поэтому — хотя в дальнейшем он и не стал приверженцем революционных методов — теперь без колебаний начал сотрудничать с пештскими революционерами, сплотившимися вокруг Петефи, так как считал, что пештское революционное движение заставит представителей сословий понять, что они и думать не должны о каком-либо ущемлении дела освобождения крестьян, ибо малейшей такой попыткой они добьются лишь превращения страны в "бушующее пламя". И хотя освобождение крепостных произойдет и в этом случае, его осуществит само крестьянство. Следовательно, потери, которые должны были понести помещики в результате освобождения крепостных, в конечном счете не то что не уменьшились бы, а еще более увеличились, а, кроме того, дворянство окончательно лишилось бы возможности сделать крестьянские массы своими товарищами по оружию.

Однако Кошут весьма внимательно следил за тем, чтобы революционное движение в Пеште оказывало лишь стимулирующее воздействие на сословия, а не направляющее, и "вожди, — как он говорил своим товарищам-депутатам, — должны оставаться в наших руках" и впредь. А когда пештцы выступали с требованием, чтобы государственное собрание пе-

реехало в Пешт и перешло под их непосредственный контроль, Кошут самым решительным образом отклонил это требование, заявив: "... Я считаю население города Буда-Пешт, безусловно, важной частью нашей отчины, а Буда-Пешт — сердцем страны, но господином его никогда не буду считать". Более того, Кошут, как известно, без обиняков добавил, что "лишь нация принадлежит право решать судьбы страны, и эта нация... настолько сильна, чтобы раздавить всякого, кому подобная мысль пришла бы в голову". Ибо он опасался, что в Пеште государственное собрание полностью попадет под влияние пештского революционного движения и в результате узаконит такие далеко идущие новшества, которые большая часть дворянства уже ни в коем случае не была склонна поддерживать и которые, следовательно, обратили бы большинство дворян против дела преобразования страны.

В той же степени, в какой ему была дорога мысль о том, чтобы государственное собрание своими слишком далеко идущими нововведениями не отдалило большую часть дворянства от дела преобразования, в такой же степени он заболтался о том, чтобы государственное собрание предприняло в то же время такие шаги в интересах преобразований (одновременно с целью завоевания народных масс), принятия которых еще можно добиться с помощью большинства дворянства, иначе говоря, "государственное собрание... не должно допустить слишком увести себя в сторону от нужной линии; но в проведении линии... не должно быть колебаний, а... следует делать то, что нужно делать". Но как бы безудержно Кошут ни угрожал раздавить пештских революционеров, на самом деле он ни единой минуты и не помышлял об этом. Он считал необходимым подчеркнуть не только то, что Пешт не представляет всю нацию, но и то, что и государственное собрание больше не может выступать от имени всей нации, потому что в действительности и господа дворяне, занимавшие места в государственном собрании, являлись лишь "представителями одного класса", а вовсе не всей нации, и что "прошли те времена, когда представители одного класса еще могли распоряжаться отчиной". А тем, кто все же пытался затормозить ход преобразований в дворянских интересах, Кошут прямо высказывал свое твердое мнение в таких же жестких выражениях, в каких до этого пытался воздействовать на пештских революционеров, старавшихся ускорить ход преобразований "Кто... препятствует... счастливым преобразованиям нашей родины... тем не удастся избежать того, чего они боятся", потому что "такого человека... который захотел бы воспрепятствовать проведению этих преобразований... нация раздавит". Собственно говоря, эта борьба Кошута является самой выдающейся услугой, которую он оказал своей родине на

протяжении своей долгой жизни. Потому что эта борьба сыграла решающую роль в том, что государственное собрание в конце концов в действительности не сделало больше того, чего обязательно требовали интересы преобразования; а все то, чего требовали интересы преобразования, — все это было сделано. Позднее это стало основной причиной того, что — когда многие представители крестьян считали революционные достижения, узаконенные в течение марта — апреля, слишком недостаточными, а многие помещики считали их слишком большими — чересчур большое чувство разочарования не охватило ни крестьян, ни большинство дворян. Таким образом, основная масса крестьянства отныне действительно перешла на сторону дворянства, а основная масса дворян по-прежнему продолжала идти по пути, ведущему к буржуазным преобразованиям, — по пути, на который она вступила в середине марта.

И этим путем продолжали идти не только те, кто еще до мартовских событий присоединился к либеральной оппозиции, но, например, и Сеченьи, который раньше выступал против Кошута и его соратников, прежде всего из опасений, что если венгерское дворянство начало бы борьбу за власть, то, имея в тылу крестьянские массы, ненавидевшие господ, ему пришлось бы при всех обстоятельствах вести борьбу на два фронта, и поэтому в борьбе оно неизбежно потерпело бы поражение. Однако, видя, как развиваются последние события, Сеченьи отбросил свои опасения. Но большинство тех, кто ранее придерживался консервативных взглядов, не стремились решительно двигать вперед дело реформы, но довольно долго не пытались и препятствовать этому процессу (и это понятно, ведь после упразднения крепостнических отношений и возложения компенсации на государственную казну даже помещики, придерживавшиеся консервативных взглядов, сразу же оказались заинтересованными в упрочении положения либерального правительства, или по крайней мере в его платежеспособности). Вследствие этого сторонники создания буржуазного строя могли приступить к работе, опираясь теперь на довольно широкий лагерь, а Габсбурги лишились возможности организовать в тылу этого лагеря более или менее значительный лагерь врагов революции. Между тем обратиться к оружию с целью быстрой ликвидации венгерской революции Габсбурги могли лишь в случае серьезного раскола венгерского общества, так как действия значительной части армии императора с самого начала (и затем еще долгие месяцы) были полностью связаны революциями, вспыхнувшими в других частях империи. Контрреволюция в самой Венгрии могла обрести поддержку со стороны лишь тех национальных движений, которые — поскольку Кошут и

его либеральные сподвижники, опасаясь за сохранность завоеванных ими в марте позиций, уклонились от предоставления равноправия национальным меньшинствам — постепенно, шаг за шагом становились в оппозицию венгерской революции. Но Габсбурги не могли опираться только на движения национальных меньшинств, если хотели нанести поражение венгерской революции. В целом же мартовская победа политики Кошута, чрезвычайно расширив лагерь революции, одновременно выиграла время и для упрочения своих позиций и подготовки необходимых мер для достойного отпора вооруженному нападению контрреволюции, которое, пусть позднее, но неизбежно должно было произойти.

Хотя Габсбурги вынуждены были в сложившихся обстоятельствах отказаться от вооруженного выступления против венгерской революции, пока в основном не стали хозяевами положения и не нанесли поражения революциям, вспыхнувшим в других частях империи, в сентябре 1848 года они все же двинули свои войска против Венгрии. И вот тогда руководящий дворянский слой оказался, как и в марте, перед решающим выбором: ведь теперь возник вопрос, продолжать ли дальнейшую — на этот раз вооруженную — борьбу или же без сопротивления стать на колени перед контрреволюцией. Однако большинство и на сей раз поддержало линию Кошута, то есть избрало вооруженную борьбу, в первую очередь из-за справедливого опасения, что Габсбурги, не будучи заинтересованы в возбуждении против себя миллионных крестьянских масс, не отменили бы освобождение от крепостной зависимости даже в том случае, если бы лагерь революции покорился без сопротивления; тогда бы венгерское дворянство вновь оказалось оттесненным с руководящих высот, занятых в марте 1848 года, и в результате сложилась бы такая ситуация, при которой дворянство и впредь было бы вынуждено нести взятое на себя в марте бремя с целью удовлетворения крестьянства, раз и навсегда отказавшись от того, на что в свое время твердо рассчитывало как на достойное возмещение взятого на себя бремени, ибо если бы оно не рассчитывало на это, то наверняка не пошло бы на такие большие жертвы.

Подобные опасения могли, конечно, послужить лишь первым толчком для того, чтобы в тот момент большая часть дворян решила поднять брошенную ей перчатку; в этом должна была сыграть свою роль и убежденность в том, что на вызов действительно стоит дать ответ, поскольку лагерь революции будет достаточно сильным для успешного ведения борьбы. А поверить в это стоявшие во главе революции дворянские политики могли, лишь будучи уверенными, что крестьянские массы останутся с ними и в дальнейшем. Но

будет ли это так, в тот момент казалось еще довольно неясным. Ведь значительное большинство крестьянства уже в марте получило то, о чем мечтало. Правда, были и такие крестьяне, которых мартовские реформы удовлетворили лишь частично или вовсе не удовлетворили, а соблазнить их, как и других, дальнейшими значительными уступками дворянская верхушка уже не могла без серьезного ущерба для своих собственных интересов.

Но если из-за подобных причин у некоторых представителей дворянства временно и возникли сомнения, то они довольно быстро рассеялись, ибо в последующие недели тысячи, десятки тысяч крестьян наконец взяли за оружие и поднялись на защиту революции. В этом выдающуюся роль сыграл сам Кошут. В конце сентября и в начале октября он выступал на многочисленных собраниях в крупнейших сельских городах (местечках) в долине реки Тисы, вербуя добровольцев, и то, что он говорил в своих выступлениях, заставляло серьезно задуматься собравшихся его слушать крестьян, с марта смотревших на него как на истинного друга народа. При этом одним из главных тезисов в его речах было следующее: "Если сейчас каждый сын венгерской нации, у которого есть руки, не встанет на защиту своей отчизны то... венгерскую землю... разделат между собой сербские грабители и иллирийские [подразумевается: хорватские. — Авт.] мятежники, и тебя, жертву предательства, бедный венгерский народ, истребят, ты будешь исключен из рядов живущих наций". Эти слова, учитывая то, что контрреволюция извне вторглась в страну, не были лишены убедительности и, следовательно, способствовали раздуванию националистических страстей. А на тех, на кого предсказания о смерти нации все же не действовали, мог оказать воздействие другой важный тезис речей Кошута, согласно которому у контрреволюционных кругов "конечной целью является восстановление старого печального положения... и того (тех), кого из нас не убьют, снова ввергнут в прежнее рабство, прежнее ярмо, в прежнюю нищету". Ведь это резко могло усилить беспокойство крестьянства (на самом деле, конечно, безосновательное), что в случае победы контрреволюции оно не только не сможет рассчитывать на дальнейшие уступки, но и на сохранение завоеваний, полученных в марте в результате освобождения крепостных.

Итак, в конечном счете сотрудничество, сложившееся между лучшими представителями дворянства и крестьянскими массами весной 1848 года, не было нарушено и в критические дни сентября. Таким образом, новому правительству революционной Венгрии, возглавляемому лично Кошутом, в течение последующих месяцев удалось организо-

вать довольно многочисленную революционную армию гонимых, и эта армия к весне 1849 года уже и на полях сражений доказала, что Габсбурги не смогут поставить на колени лагерь революции только своими силами, без привлечения внешних союзников.

На полях сражений к весне 1849 года подтвердилось не только то, что Габсбурги одни не в состоянии окончательно справиться с венгерской революцией, но также и то, что лагерь венгерской революции в свою очередь неспособен окончательно справиться с Габсбургами, потому что он был в действительности не намного слабее, но и не сильнее сил контрреволюции. Однако проявление относительного равновесия стало вызывать в рядах дворянского руководства революционным лагерем все большее разочарование, и наконец стало доминировать мнение, что если прежде и был смысл в сопротивлении, то дальнейшее продолжение оборонительной борьбы явилось бы уже полностью ошибочным шагом. Дворянское большинство начало рассуждать так: если ни одна сторона не располагает значительным превосходством в силах, то лагерь революции — сколько бы времени он ни продолжал борьбу — ни в коем случае не сможет защитить все мартовские завоевания целиком. В то же время сохранение части завоеваний можно обеспечить, именно тогда дворянство сможет действительно обеспечить результаты завоеваний, если ясно даст понять, что больше не будет настаивать на своих прежних неуступчивых позициях, а готово вступить с Габсбургами на путь соглашения, основанного на взаимных уступках. Потому что рано или поздно и сами Габсбурги осознают (а может быть, уже осознали), что они также недостаточно сильны, чтобы уничтожить всю совокупность мартовских завоеваний, подобно тому, как и лагерь революции недостаточно силен, чтобы их защитить. И если Габсбурги придут к выводу, что революционный лагерь все же не склонен прекратить борьбу, то и они не проявят склонности к этому. Если же лагерь революции выступит с мирной инициативой, то Габсбурги ухватятся за это предложение: ведь они сочтут более выгодным пойти таким путем, пожертвовав одной частью своих целей, но по крайней мере достигнув другой части поставленных целей, нежели оказаться вынужденными ждать до тех пор, пока они, как и их противники, не истощат окончательно свои силы.

И Кошут ясно видел, что подобные расчеты основаны на песке, потому что, и не будучи революционером, он знал, что революционные войны еще никогда не кончались, да и не могут окончиться мирным соглашением противоборствующих сторон, основанным на взаимных уступках. Следовательно,

он делал все от него зависящее, чтобы выбить почву из-под ног соглашателей-примиренцев. И когда в апреле 1849 года ему наконец удалось с большим трудом добиться того, что государственное собрание объявило о низложении династии Габсбургов, дома он вздохнул с облегчением: "Мне надо было положить конец этому коварству. Дело сделано. Полагаю, что эта политика не разочарует нас". Но если он так думал, то наверняка ошибался. Потому что и лишение трона не могло истребить у рабов иллюзий тщетных надежд. Не помогло и то, что Кошут после низложения императорского дома стал правителем — президентом Венгрии: одновременно с этим проведению политики Кошута раз и навсегда пришел конец; и наиболее наглядным признаком этого может служить тот факт, что вскоре прекратились также и наступательные действия армии гонимых, которые начались за несколько недель до этого события. А это имело роковые последствия.

К этому времени сами Габсбурги поняли, что для разгрома революции у них недостаточно сил. Однако, понимая это, они сделали не тот вывод, что необходимо срочно вступить в мирные переговоры со своими взбунтовавшимися венгерскими подданными, а совершенно иной: решили, что нужно срочно искать помощи извне. Попытки получить помощь оказались успешными. И естественно, не из-за случайного благоприятствования, а потому что возможный распад империи Габсбургов мог бы повлечь за собой крах всей европейской системы власти. В результате уже в июне 1849 года на стороне императорских войск сражались вторгнувшиеся в Венгрию войска царской России. Это открыло наконец глаза той части венгерских политиков, которые в предыдущие месяцы искали несуществующую тропинку к примирению, но было уже поздно. Таким образом, начиная с июня венгерская революция неудержимо пошла на убыль и после отчаянных, длившихся несколько недель арьергардных боев, потерпела окончательное поражение. Но даже быстрый разгром революции не позволил Габсбургам восстановить крепостническую систему; однако такой поворот событий сделал возможным снова — еще в более полной мере, чем до революции 1848 года, — оттеснить венгерское дворянство от управления страной.

И в первую очередь именно это — окончательное поражение революции и установленный затем в стране деспотический режим — побудило многих называть Кошута за усилия по организации сопротивления, предпринятые им с осени 1849 года, безответственным строителем воздушных замков. Между тем борьба, вспыхнувшая в 1848 году между венгерскими сторонниками буржуазных преобразований и Габсбургами, как не была доведена до конца весной 1848 года, когда ла-

герь революции одержал верх над Габсбургами, так не завершилась и летом 1849 года, когда одержали верх Габсбурги, да она и не могла окончательно завершиться даже тогда — ведь сиюминутный успех, достигнутый контрреволюцией летом 1849 года, не в состоянии был существенно изменить соотношение сил, несомненное равновесие которых (попутно заметим, что именно борьба за свободу явилась самым убедительным свидетельством этого) вынудило Габсбургов прибегнуть к внешней помощи для подавления венгерской революции ценою нанесения значительного ущерба своему международному авторитету.

И если все же произошел какой-то сдвиг в соотношении сил, вызванный самими событиями 1848—1849 годов, то он произошел не в пользу Габсбургов. И хотя лагерь сторонников буржуазных преобразований, несомненно, и ослабел в результате понесенных кровавых потерь — частично в результате вооруженной борьбы, частично в ходе беспощадных контрреволюционных репрессий, последовавших после поражения революции, — эти потери далеко не компенсировали Габсбургам тот ущерб, который ранее нанесла им революция. Об этом красноречиво свидетельствуют и неудачи на международной арене, непрерывно преследовавшие Габсбургов в течение последующих десятилетий.

И зря торжествовали Габсбурги летом 1849 года по поводу казавшейся столь однозначной победы: они не смогли полностью и навсегда оттеснить венгерское дворянство от управления страной, равно как и лагерь революции не смог удержать и сохранить все завоеванное им в марте 1848 года. И это — если и не сразу, то со временем — они и сами вынуждены были признать (не лишне заметить, что это произошло под влиянием уже указанных международных неудач, которые в конечном счете явились результатом ослабления имперских позиций в 1848—1849 годах). Поэтому уже в середине 60-х годов они и сами признали неотвратимую необходимость снова предоставить венгерскому дворянству возможность участвовать в управлении страной.

Как результат такого процесса компромисса, заключенный в 1867 году, представлял собой соглашение, основанное на взаимных уступках, соответствующих фактическому соотношению сил. Таким образом, венгерскому дворянству, хотя и ставшему в 1867 году вновь главнейшим фактором власти в Венгрии, тем не менее не удалось вернуть часть позиций, которые были завоеваны им весной 1848 года и утрачены летом 1849 года. Но даже несмотря на это, лишь поверхностный наблюдатель может обвинить Кошута в том, что он в свое время непреклонно выступал про ив апостолов примирения, основанного на взаимных уступках.

Верно, что, например, и в 1867 году у дворянства не было возможности восстановить венгерское военное министерство и министерство финансов, созданные весной 1848 года и большую часть функций этих двух министерств пришлось возложить на совместные австро-венгерские министерства. Но ведь на подобное решение более умеренные руководители венгерской революции были бы согласны пойти и в 1848 году до начала освободительной войны: в конце августа 1848 года премьер-министр Баттяни с целью предотвращения непосредственно угрожавшего уже тогда вооруженного столкновения именно с этим решением направился в Вену, чтобы в случае необходимости внести предложение передать полномочия (или по крайней мере наиболее существенные их элементы) действовавшим с марта независимо друг от друга австрийского и венгерского военных министерств и министерств финансов другим ведомствам, которые по логике вещей не могли быть ни чем иным, как общими австро-венгерскими министерствами, которые надлежало бы вновь создавать.

Однако в Вене тогда еще и слышать не хотели о таком урегулировании, которое обеспечило бы венгерским правящим кругам — ценой отказа от самостоятельного решения военных и финансовых вопросов — "взаимность" (то есть право вмешательства в австрийские и общеимперские военные и финансовые дела), и венский двор потребовал, чтобы венгерское правительство просто подчинилось австрийскому кабинету. Следовательно, когда в 1867 году договаривающиеся стороны достигли согласия о создании общих австро-венгерских военного министерства и министерства финансов, то тогда не только представители венгерского дворянства пошли на уступки в своих требованиях, но и Габсбурги отказались от своих требований, которые до начала освободительной борьбы казались столь твердыми. А это свидетельствует о том, что освободительная борьба явилась предварительным и необходимым условием для заключения соглашения 1867 года.

Таким образом, события 1867 года подтвердили правоту не тех, кто считал, что и без дальнейшего продолжения освободительной борьбы можно достичь урегулирования подобного рода, а именно тех, кто в 1848 году во главе с Кошутом поставил перед собой цель — в действительности недостижимую — защитить все мартовские завоевания целиком и кто ради этого после провала попыток Баттяни взялся за оружие и стал наносить удар за ударом врагам революции. И достижение соглашения подтвердило их правоту, даже несмотря на то, что их борьба в 1849 году все же окончилась поражением и лишь по прошествии многих лет стала при-

носить плоды. Как это косвенно признал в 1867 году руководивший с венгерской стороны переговорами о соглашении Ференц Деак, который, выступая в государственном собрании, указал, что основы соглашения, несмотря на понесенное в 1849 году поражение, были заложены в преобразованиях 1848 года и "эти преобразования история свяжет с именем человека, который... начал их и проводил в жизнь с неумолимой решительностью".

Другое дело, что сам Кошут, который в конце лета 1849 года удалился в эмиграцию с решимостью при первой же возможности вновь поднять знамя освободительной борьбы, не желал видеть в компромиссе оправдание постфактум освободительной борьбы 1848—1849 годов и поэтому не нуждался в признании своих заслуг Деаком. Он жил с убеждением, что если венгерское дворянство в результате компромисса и получит вновь часть завоеваний им в 1848 и утраченной в 1849 году власти, то в дальнейшем оно не сможет воспрепятствовать тому, чтобы Габсбурги в будущем — как и перед 1848 годом — подчинили интересы Венгрии чуждым для нее общеперимперским интересам. "И каковы будут последствия этого? — рассуждал Кошут, стараясь объяснить причину своего столь глубокого беспокойства. — То, что освобожденная таким образом от всех уз... политика венского кабинета может вовлечь нашу родину в войну не на жизнь, а на смерть, за интересы, диаметрально противоположные нашим, когда ей будет угодно. И вовлечет обязательно". Но война "разрушит империю, однако... так, что под тяжестью этих развалин будет погребена и Венгрия".

И в этом Кошут оказался совершенно прав, что с поразительной точностью подтвердилось почти через полвека. Он оказался прав даже в большей степени, чем сам предполагал. Потому что вначале он еще считал, что открывается возможность избежать угрозы такого будущего, а именно в том случае, если дворянство, все еще единственный класс, призванный, по его мнению (да и фактически), играть руководящую роль, почерпнув уроки из его предупреждений, покончит с надеждами, связанными с компромиссом, возобновит борьбу, причем на этот раз поставит своей целью не только восстановление мартовских завоеваний во всей их совокупности, но одновременно и достижение полной независимости Венгрии от империи Габсбургов. Хотя в действительности никакая сила не могла уже заставить венгерское дворянство вновь взяться за оружие.

И не только потому, как стало очевидно, что противоборствующие стороны вступили в 1848 году на арену борьбы, имея примерно равные силы, но и потому, что возможное повторение борьбы за свободу увенчалось бы большим ус-

пехом, чем в 1848—1849 годах, лишь в том случае, если бы венгерскому дворянству снова удалось собрать большие, чем прежде, силы, то есть если оно смогло бы сплотить вокруг себя больший, чем прежде, лагерь. Следовательно, венгерскому дворянству в случае нового восстания прежде всего пришлось бы вновь сплотить вокруг себя широкие крестьянские массы. А чтобы привести крестьян в движение, можно было бы, конечно, и в 60-е годы вновь выдвинуть уже оправдавшие себя в 1848 году националистические лозунги. Однако для обеспечения должного успеха к этим лозунгам, как и в 1848 году, следовало бы обязательно присоединить еще какой-либо новый лозунг. Таким лозунгом тогда уже никак не могла стать ни формула освобождения от крепостничества, ни ссылка на угрозу его упразднения, которая также себя хорошо оправдала в 1848 году, так как освобождение крепостных крестьян к тому времени давно уже стало необратимым фактом. Таким образом, теперь националистические лозунги требовалось бы дополнить другим общественно-политическим лозунгом, и, разумеется, таким, притягательная сила которого не будет слабее притягательной силы лозунга конца 40-х годов об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Иными словами, дворянству в случае, если бы оно захотело поднять знамя борьбы, следовало бы провозгласить теперь уже и программу раздела земли. Но дворянство, само собой разумеется, и не помышляло о нанесении ущерба помещичьему землевладению; об этом и сам Кошут никогда не думал.

Не говоря о том, что дворянство и в случае, если бы ему удалось поднять крестьянские массы, оставалось бы на тех же позициях, что и во время революции. Таким образом, чтобы значительно расширить лагерь, сделать его более сильным, чем он был во время революции, дворянству следовало бы теперь привлечь на свою сторону и народные массы других национальностей, которые в 1848 году взяли за оружие, борясь против революции. Об этом — в отличие от вопроса о разделе земли — думал уже и сам Кошут; именно поэтому он уже с весны 1850 года подчеркивал, что жизненно важное значение имело бы создание такой конфедерации придунайских государств, которая "спаяла бы в едином союзе венгерский народ и живущие по соседству с венграми малые народы", и что без этого у Венгрии просто "нет будущего", ведь малые народы и в других частях света в большинстве случаев могут обеспечить политическое существование и свою национальную самостоятельность и независимость лишь путем создания тесной федерации", а для придунайских народов конфедерация как раз "единственная возможность, вне которой их гарантированное государственное существование невозможно и представить", так как "они окружены и нахо-

дятся под угрозой со стороны не только по преимуществу крупных держав, но и по своей природе абсолютистских”.

Но хотя Кошут и сумел сделать вывод из уроков 1849 года и далеко ушел от своей прежней точки зрения, когда свою главную мысль сформулировал так: ”Рядом с нами находятся великие державы. Давайте объединимся, чтобы, поддерживая друг друга, сохранить нашу независимость”, — по-настоящему даже и тогда не смог найти ключ к решению национального вопроса. Ибо, раздумывая над тем, каким же образом можно на практике создать Дунайскую федерацию малых народов, он разрабатывал такие планы, которые предусматривали на самом деле организацию союза не народов, а исторических государственных образований в составе собственно Венгрии, а также подлежащей отделению от нее Хорватии (а возможно, и Трансильвании), кроме того, Сербии, Валахии и Молдавии. Конечно, на бумаге план создания подобного государственного союза выглядел чрезвычайно многообещающим. Однако для действительного привлечения на свою сторону невенгров, проживавших на территории Венгрии, требовалось уже нечто большее (в сущности, для того, чтобы эта идея была принята сербскими, валашскими и молдавскими правящими кругами, непременно требовалось еще кое-что), а именно чтобы невенграм и в пределах границ Венгрии предоставлялась территориальная автономия, то есть чтобы внутренняя структура самой Венгрии была поставлена на федеративную основу. Но так далеко пойти уже не был склонен и сам Кошут, так как он считал, что ”желание применить идею конфедерации в отношении различных народностей, населяющих Венгрию... диаметрально противоположно идее... территориальной целостности и политического единства нашей родины”, а от этой идеи он не мог отказаться до самой смерти.

Из сказанного следует, что если сам Кошут не мог отказаться от этой идеи, то от дворянских политиков, которые в отличие от него понимали, что дворянство в Венгрии никогда более и ни при каких обстоятельствах не сможет монополюльно овладеть правительственной властью, еще менее можно было ожидать, что они вступят на такой путь, следуя по которому, может быть, удастся предупредить распад целостной Венгрии, что с такой озабоченностью и так точно он предсказывал. То есть поделить управление страной не с Габсбургами, а с представителями народностей, населявших Венгрию (отказаться не от части прерогатив одного или двух министерств, а от административного единства страны); для того чтобы — от, по мнению этих политиков, еще хуже — заключить такую сделку, они должны решиться на новое вооруженное столкновение и, следовательно, на связанные с ним новые кровавые

жертвы; а для того, чтобы добиться успеха в новой вооруженной борьбе, нужно пойти на новые огромные уступки крестьянству, причем теперь уже такие, от которых классу помещиков в отличие от освобождения крестьян от крепостной зависимости материальная выгода вообще не предвидится, а ущерб будет нанесен гораздо больший. Потому в Венгрии, идущей к компромиссу, даже не нашелся ни один дворянский политик, который попытался бы опровергнуть мнение Кошута о том, что внутренняя федерализация страны была бы равноценна ”гибели отчизны”; зато немало можно было встретить таких, которые поспешили отречься даже от его половинчатого плана конфедерации, заявляя, что ”осуществление его воистину явилось бы смертью для Венгрии”. И положение в этом вопросе отнюдь не изменилось и после заключения соглашения.

Однако то, что в Венгрии после 1867 года громадное большинство дворян отрицательно встретили предложения Кошута, объяснялось еще одной и более веской, чем упоминавшиеся выше, причиной, суть которой состояла в том, что имперские интересы Габсбургов после 1867 года в действительности больше уже не пересекались в такой степени с интересами развития Венгрии, как это было до 1848 года и как Кошут неизменно предполагал. Ибо и ограниченная власть, фактически полученная верхушкой венгерского дворянства в 1867 году, оказалась достаточной, чтобы в дальнейшем более успешно, чем прежде, представлять интересы страны в отношениях с Веней. И Венгрия независимо от этого теперь уже не могла быть возвращена в подчиненное положение, в котором она находилась до 1848 года, потому что после поражения революции и, несмотря на него, в результате освобождения крестьян от крепостных отношений на этой кровью политой земле начали бурно развиваться капиталистические производственные отношения даже в период абсолютизма, а после 1867 года они получили еще большее развитие.

Но это уже оставалось вне поля зрения Кошута. Нельзя сказать, что он совершенно не замечал признаков капиталистического развития страны. То, например, что в области промышленности ”и в Венгрии есть прогресс”, и он не подвергал сомнению. (Хотя в силу свойственной ему манеры мышления он комментировал этот процесс следующим образом: ”Это такое дело, дороге которому невозможно совсем преградить даже ценой отказа от самостоятельности”.) Однако среди признаков прогресса он большей частью замечал отнюдь не те, которые выражали существенные, перспективные черты преобразований, а такие, которые обнажали теневые стороны капиталистического строя — бурно развивающееся коры-

столюбие, непорядочность и тому подобное. Где отмечалось развитие, там чаще всего Кошут видел деградацию, моральный упадок; а после того, как он обнаружил, что к его словам на родной земле охотно прислушиваются лишь те, кто несет бремя капиталистического развития, от тех же, кто греется у огня власти, посылаемые им на родину предупреждения и советы отскакивают, как горох от стенки, он все более стал склонен объяснять такое отношение исключительно моральными причинами: отсутствием мужества и другими человеческими пороками. И он тем больше склонялся к таким выводам, чем большее число невыносимо долго тянувшихся лет находился в изгнании, продолжавшемся пять с половиной десятилетий, и чем труднее ему становилось из года в год оставаться в строю, невзирая на то, что силы его иссякали; как и прежде, он руководствовался внутренним побуждением оставаться несломленным на своем посту до самой смерти с высоко поднятой головою, даже в том случае, если его современники окажутся более слабыми.

Вот почему постепенно, а на закате своей жизни охваченный чувством полной безнадежности Кошут все чаще чувствовал внутреннюю потребность горько восклицать: "Растленный век! Растленные нравы!" Вот почему и в своем последнем послании, обращенном к своим соотечественникам, Кошут с неумолимостью констатировал: "Я... не являюсь представителем современной эпохи; алтарь, перед которым современный человек молится (я неудачно сказал: не молится, а отчитывается), — не мой алтарь".

Вот почему, стоя у края могилы и подводя итог делу своей жизни, он был способен говорить о своем жизненном пути лишь в таком тоне, в котором чувствуется терзавшее его душу отчаяние: "Весьма огорчительно ... когда старый человек, никогда не просивший у судьбы никакой иной милости, кроме как иметь возможность сделать что-нибудь непреходящее на благо отчизны, в конце своей долгой жизни тщетно ищет на своей родине признаки избавления, которые изгнали бы из его головы мучительную мысль, что он жил напрасно". А "эта мучительная мысль преследует меня", "сознание неудачи окрашивает печалью конец моей жизни", — пишет он в 1883 году.

Он боролся за большее, значительно большее того, чего на самом деле смог достичь, и потому принизил значение того, чего действительно добился. А то, что ему не удалось добиться осуществления своих наиболее далеко идущих целей, он объяснял не тем, что эти цели на самом деле были уже недостижимы, а тем, что беспощадная судьба всего лишь спустя один короткий год навсегда отстранила его от возможности активно действовать.

Между тем в Венгрии в последовавшие после 1848 года десятилетия, то есть в период, названный Кошутом временем нравственного падения, произошли такие широкие и прогрессивные преобразования, которых эта страна не знала со времени возникновения феодального строя. Но основы этих преобразований, как мы видели, заложили именно те, кто в 1848 году, объединившись вокруг Кошута, взялся за оружие, рассчитывая добиться намного большего, даже если им в действительности было отведено слишком короткое время для этой борьбы. Ведь чтобы разорвать цепи феодальных отношений, все больше и больше врезавшихся в тело нации, потребовались такие действия, которые были посильны лишь людям, стремившимся к значительно большим целям. И если Кошут не смог понять этого вплоть до последних минут своей жизни, то потомкам, последующим поколениям все же необходимо это понять. Или по крайней мере следовало бы понять.